

ПОЛИТИКА АНГЛИИ НА БОЛЬШОМ КАВКАЗЕ В 1918–1920 гг. В ВОСПОМИНАНИЯХ А. РОУЛИНСОНА И К. БЕХГОФЕРА¹

В статье предпринята попытка реконструировать события в связи с их освещением непосредственными участниками и свидетелями. Для сравнительного анализа выбраны мемуары очевидца событий английского журналиста К. Бехгофера и участника военной миссии Англии на Кавказе А. Роулинсона, находившихся на Кавказе примерно в одно и то же время (1918–1920 гг.), т.е. уже после фактического отделения кавказского региона от России и еще до полного включения в ее состав. Их социальный опыт, взгляды, убеждения и профессиональная принадлежность определили полярность оценок эффективности английской политики в регионе.

Ключевые слова: *Большой Кавказ, К. Бехгофер, А. Роулинсон, международные отношения, травелог, эго-документы*

Английское военное присутствие на Кавказе в 1918–1920 гг. было следствием победы Антанты в Первой мировой войне и Российской революции 1917 г., приведшей к фактическому отделению национальных окраин бывшей империи от ее Центра. Вследствие утраты большевиками контроля над Кавказом, регион стал ареной международного противостояния. Одним из его участников была Великобритания, для которой Кавказ в прошлом уже был объектом геополитического интереса. Глубокий социально-политический кризис в России стал удобным моментом для английского вторжения в пределы Северного и Южного Кавказа, которые мы объединим категорией «Большой Кавказ»².

В научной литературе проблема английского военного присутствия на Кавказе рассматривается главным образом в контексте геополитического соперничества. Для британского правительства гражданская война в России была шансом развить средневосточное направление внешней политики и установить контроль над Каспием и Закавказьем. Тема английской интервенции поднималась неоднократно. В советской историографии интерес к проблеме возникает уже в 1920-е гг.: именно тогда советские специалисты стали проявлять интерес к роли иностранного участия в событиях Гражданской войны³. Историки раз-

---

¹ Статья выполнена в рамках проекта «Большой Кавказ в контексте внешней политики России (1917–1922 гг.)», поддержанного РФФИ (18-09-00444).

² Это понятие из географии было впервые заимствовано политологами. Понимание целостности Кавказа позволило посмотреть на макрорегион с учетом взаимосвязи внутренних политических процессов и изучать его как единое пространство международной политики. Напр.: Большой Кавказ двадцать лет спустя... 2014.

³ См., напр.: Раевский 1927.

ных поколений изучали геополитическое противостояние в пределах Большого Кавказа и отдельные аспекты английской политики в разных частях региона⁴. Помимо прочего, отмечалась дискуссионность вопроса интервенции в Россию среди британской военно-политической элиты⁵. Отличались также оценки английского вторжения на Кавказ непосредственных свидетелей и участников событий. Целью данной статьи является сравнительное изучение их восприятия как самого Кавказа, так и политики английской администрации, проводимой в регионе.

В свете поднимаемой проблемы, которая является частью предметного поля истории международных отношений следует остановиться на специфике исторической базы. Традиционно ученые отдают приоритет актовым и официальным источникам. Под таким подходом к изучению событий профессор Флорентийского университета Эннио ди Нольфо понимал исключительно «историографическую реконструкцию отношений между династиями, дипломатическими корпусами, министрами иностранных дел». Это положение действительно для значительной части работ по истории международных отношений. Эго-источники или источники личного происхождения долгое время занимали в этой области истории маргинальное положение. Вместе с тем они позволяют заглянуть за фасад событий и реконструировать антропологический контекст истории международных отношений⁶.

В статье рассматривается микроисторическая сторона международной жизни на основе сравнительного анализа двух эго-документов: воспоминаний англичан, побывавших на Кавказе и наблюдавших военно-революционную реальность кавказской жизни в 1918–1920 гг. Первый фигурант – разведчик Альфред Роулинсон (1864–1934) – был сыном британского археолога-ориенталиста и офицера армии Ост-Индской компании Генри Кресвика Роулинсона, который горячо отстаивал идею английского противостояния России в Южной Азии и предсказывал поглощение Коканда, Хивы и Бухары Российской империей. Альфред Роулинсон проявил себя, как и отец, на разных общественных поприщах: был известен как гонщик и авиатор, вошел в историю как участник и чемпион в составе команды по поло Летних Олимпийских игр 1900 года. В ходе Первой мировой войны, в 1915–1917 гг. А. Роулинсон под руководством адмирала Перси Скотта занимался организацией противовоздушной обороны Лондона⁷. На Кавказе он впервые оказался в 1918 г. в составе экспедиции «Данстерфорс» под руковод-

---

⁴ Асоян 2005; Архипова 2016; Волков 1954; Гаджиев 1960; Гурко-Кряжин 1926; Дарабади 2006; Доного 2012; Лавров 1979; Морозова 2015; Амбарцумян 2017.

⁵ См., напр.: Дарабади 2006; Лавров 1979; Амбарцумян 2017.

⁶ Эннио Ди Нольфо 2003. С. 11, 20.

⁷ Rawlinson 1924.

ством Лионеля Денстервиля, затем прибыл в 1919 г. в составе Разведывательного корпуса (Intelligence Corps). Во второй приезд его полномочия включали в себя контроль железной дороги Тифлис – Баку, а также сбор сведений о положении на Северном Кавказе. Воспоминания о службе на Ближнем Востоке и Кавказе были написаны непосредственно после возвращения, и уже в 1924 г. были доступны читателю.

Вторым источником сравнительного исследования стали воспоминания английского журналиста и писателя Карла Бехгофера (1894–1949). Заметного вклада в развитие английской литературы он не внес, был журналистом второго плана, однако личностью неординарной и увлекающейся. Его биография насыщена путешествиями, приключениями и необычными знакомствами. Приезд в Россию в 1919 г. был не первым и не последним его визитом в эту страну. Свои впечатления и наблюдения он изложил в трех книгах: «Россия на распутье», «В деникинской России и на Кавказе, 1919–1920», «По голодающей России», «Дневник скитальца: Некоторые воспоминания о путешествиях по Индии, Дальнему Востоку, России, Средиземноморью и другим местам».

Знакомство с Россией не ограничивалось туристическими впечатлениями. Примечательным фактом биографии английского журналиста стало знакомство с русским поэтом Николаем Гумилевым. Владение русским языком позволило Бехгоферу делать литературные переводы. Так в 1920 г. он стал одним из европейских переводчиков поэмы Александра Блока «Двенадцать»⁸. С другой стороны, хорошее знание русского языка позволило более детально изучить обстановку в период его путешествия на Кавказ, что во многом определило его большую погруженность в кавказский контекст.

Два художника пишущих с одной и той же натуры представят абсолютно разные картины. Так и в данном случае – оба автора различных по содержанию текстов синхронно пребывали в одном и том же регионе, наблюдали одну военно-революционную реальность Кавказа. Сравнение их работ позволяет выявить моменты общего и особенного в восприятии и фиксации наблюдаемых реалий, а также проанализировать причины как расхождения, так и сходства конструируемых образов. Жанрово сочинения Роулинсона и Бехгофера можно отнести к тревелогам – я-повествованию, где обязательно наличие рассказчика-путешественника. Пространство в текстах этого жанра представлено в виде бинарных оппозиций: противопоставления путешественника и мира, родного и чужестранного, внутреннего и внешнего, прошлого и настоящего и т.д.⁹ Имея различный социальный опыт, оба автора ощущали принадлежность к общей культуре. Поэтому в текстах сквозит

---

⁸ Лучинский 2015.

⁹ Никитина, Тулякова 2013. С. 191.

ориенталистское отношение и понимание своего цивилизационного превосходства, а жизнь и порядки кавказских народов были непонятны и экзотичны. Однако на общей наблюдательной площадке авторы расположились с разных сторон и каждый имел собственный угол обзора. Бехгофер был лишь наблюдателем и оценивал ситуацию со стороны, а Роулинсон находился внутри событий и характеризовал события как непосредственный их участник.

Уже в названиях анализируемых трудов вырисовывается разница в отношении к геополитическому контексту описываемых событий. Бехгофер озаглавил свое сочинение «В деникинской России и на Кавказе, 1919–1920»¹⁰, Роулинсон – «Приключения на Ближнем Востоке, 1918–1922». В первом случае речь идет о Кавказе если не как части России, то как о регионе с ней связанным, вторым автором он понимается как часть Ближнего Востока. Военный представитель Британской империи, Роулинсон понимал кавказское направление как часть ближневосточного вектора английской внешней политики. Логика восприятия пространства сложилась под влиянием исполнения служебных обязанностей, «Приключения» фиксируют длинный и сложный маршрут передвижений между Константинополем и Энзели, динамику и частую смену местопребывания. Такая подача формирует у читателя ощущение единого геополитического пространства.

Персия стала отправной точкой «приключений», именно оттуда в августе 1918 г. в Баку прибыла миссия Лионеля Денстервиля, под началом которого служил Роулинсон. Группа «Дастенфорс» установила контроль над персидским портом Энзели в начале лета. Описывая положение дел на момент своего прибытия в Баку, автор подчеркивал организующее начало британской миссии. Дело в том, что город пребывал в хаосе безвластия и атмосферы опасности со стороны напавшей турецкой армии. Правительство Центрокаспия самостоятельно не могло ни организовать оборону, ни навести порядок в пределах города, поэтому первое поручение, которое он получил, было изучение ситуации в сфере хранения и организации доступа к вооружению и принятие необходимых мер к исправлению ситуации. Выражением царящей анархии стала проблема с кораблями, которые большевикам так и не удалось увести в Астрахань. Одиннадцать судов стояли в свободном доступе и без охраны. Опасность усиливалась количеством хранимых на них боеприпасов. По выражению Роулинсона оно превышало тот объем, которым располагали британские войска в Месопотамии¹¹.

---

¹⁰ Bechhofer 1971.

¹¹ Rawlinson 1924. P. 72. Людские ресурсы англичан в Баку были ограничены, что подчеркивается в тексте, поэтому использование такого количества вооружения было проблематичным.

Как военный представитель английского государства на азиатской территории, Роулинсон не скрывал имперские возможности и не сомневался в правах британской миссии. Это подтверждается рядом описанных им эпизодов. Так, меняя служебную квартиру, он прибыл в новое более просторное жилище, но владелец попытался не пустить англичан. В ответ Роулинсон попросил помощника разбить киркой деревянную входную дверь. «Таким образом мы получили во владение отличную квартиру с видом на арсенал и Каспийское море»¹². Такой способ разрешения конфликтной ситуации, с гордостью представленный на страницах воспоминаний, передает довольно характерную для представителей британской колониальной администрации черту – чтобы не случилось, слугам империи следовало демонстрировать смелость¹³, особенно на «диком» Востоке.

Автор не стесняется применения силы в отношении чужой собственности, напротив он горд тем, что слом двери воодушевил его людей и испугал владельца жилища: «...он упал на пол как кролик и побелел как лист бумаги, страдая по-видимому от сердечного приступа, на который мы не обратили внимания, он пополз по площадке, хватая меня за колени, заверял, что, если я остановлю шум, который его нервы не могут выдержать, он откроет переднюю дверь для нас ключом»¹⁴. Описанный эпизод можно отнести к разряду хрестоматийных и иллюстрирующих методы колониального управления. Историк П. Брендон приводит пример из жизни писателя Джорджа Оруэлла, служившего полицейским в Бирме. Он вынужден был пристрелить слона даже когда последний уже успокоился и не представлял опасности, но выстрел продемонстрировал местным жителям силу сахиба¹⁵. Однако здесь различие в восприятии и оценке. Для интеллектуала Дж. Оруэлла мера была вынужденной, он не испытывал чувства гордости по поводу содеянного. Для профессионального военного силовое решение было единственно возможным и правильным. Реакция Роулинсона и отношение к некрасивой ситуации были типичными для англичан на Востоке.

Функциональные обязанности Роулинсона в период его пребывания в Баку обусловили и специфическое представление о городе – пространство конструируется исходя из военной целесообразности: порт, главный штаб командующего, квартира, занятая Роулинсоном, арсенал и т.д. Этот образ подчинен образу жизни участников британской военной миссии. Роулинсон редко останавливается на характеристике представителей местного населения, с которыми приходилось встречаться

---

¹² Rawlinson 1924. P. 79.

¹³ Брендон 2010. С. 435.

¹⁴ Rawlinson 1924. P. 79.

¹⁵ Брендон 2010. С. 437.

или сотрудничать. Вообще часть жизни, не имеющая отношения к британскому военному управлению, его не занимала. Население им обезличено: это лишь многонациональная толпа полуголодных людей, которые оказались не в состоянии воевать, среди них – русские, армяне, курды, татары, персы, дагестанцы... «Все они были в состоянии крайней нищеты, в лохмотьях. Поэтому наиболее насущной необходимостью было их покормить»¹⁶. Обращает на себя внимание практичность поставленной задачи, несмотря на презрение, она гуманна.

Локальные проблемы занимали британского представителя только в пределах интересов военной миссии: так, его возмущение и недоумение вызывало поведение местных защитников города, которые покинули большой участок фронта и открыли туркам доступ к городу. Напротив, подробно и с чувством собственной значимости он писал о трудностях службы. Значительная работа была проведена, по его мнению, в сфере хранения вооружения, которое приходилось инвентаризировать, в т.ч. на отобранных у большевиков судах: количество, калибры и т.д. В «Приключениях» описываются сложности взаимоотношений с правительством Центрокаспия и местным населением, фиксируется постоянное наличие турецкой угрозы. Такого рода информация создает бинарную оппозицию, где с одной стороны хаос кавказского контекста, а с другой – порядок английской армии.

Профессиональная деформация обуславливала сосредоточение на той части реальности и тех фигурантах, с которыми автор имел дело по долгу службы. Малочисленность персоналий выдает натуру военного разведчика. Единственный, о ком он говорит в связи с пребыванием в Баку, это военный министр Яков Багратуни, так как с ним пришлось плотно сотрудничать. Ему дана положительная характеристика, особенно в связи с тем, что, несмотря на недавнюю ампутацию ноги, Багратуни активно работал, отдавал приказы¹⁷ и, с точки зрения британского разведчика доблестно и профессионально исполнял служебный долг. В большинстве же случаев автор не утруждал себя именами рядовых представителей английской миссии, называл просто звания, должности или же давая прозвища. В Баку из Решта была перенесена штаб-квартира британского консула. Он прибыл со штатом секретарш, среди них была девушка черкесского происхождения с «золотыми волосами». Не называя имен, Роулинсон передает историю со взрывом в штабе, именуя девушку как «наш друг с восхитительными волосами».

Трудной для английских военных была проходившая под натиском успешного наступления турецкой армии эвакуация в сентябре 1918 года. Роулинсон понимал фатальность сложившегося положения и расцени-

---

¹⁶ Ibid. P. 71.

¹⁷ Rawlinson 1924. P. 69.

вал требования правительства не выводить войска как «истерические и фантастические»¹⁸. Это одна из немногочисленных критических оценок действий власти, позволяющих говорить о понимании автором того, что Лондон был далек от кавказских дел, и поэтому военным представителям на месте приходилось часто решать и действовать самостоятельно.

С большим трудом удалось увести пароход со всеми боеприпасами и добраться до Энзели, а 15 сентября 1918 г. в Баку уже были турецкие войска. Отступление из Баку описано детально, в эпицентре событий – героизированная фигура самого Роулинсона. Ощущения провала миссии не было, и даже присутствовал некоторый подъем, особенно на фоне полученной награды от генерала Маршалла¹⁹. Чувство долга органично сочетается с восприятием произошедшего как опасного приключения. Тот же эмоциональный настрой демонстрирует предисловие к первой главе, составленное Лионелем Денстервилем, который, подтвердив правдивость изложения событий в травелоге, поведал читателям о случае, когда он видел, что операция по подрыву моста на турецкой линии опасна, и полковник Роулинсон может не вернуться. Однако схема была проработана детально и «имела шансы на успех в руках лидера, для которого опасность была крайне привлекательна»²⁰, поэтому он дал одобрение на реализацию. Денстервиль был, по сути своей, авантюрист, и разведчику Роулинсону в полной мере было присуще то же качество, он воспринимал риск как неотъемлемое условие службы.

К третьей части «приключений», озаглавленных как «Разведывательная служба в Закавказье (февраль – август 1919)» вступление составил фельдмаршал Джордж Милн. Выражая государственную позицию, он не отделял Кавказ от ближневосточного направления британской политики: «В Великобритании мало известно о тяжелой работе британских войск в 1919 и начале 1920 г., когда британский флаг гордо развивался от Мерва до Смирны, когда образцовым портом был Батум, когда можно было передвигаться по железной дороге, контролируемой британскими офицерами от Константинополя до Египта»²¹. Милн разделял мнение полковника Роулинсона о главной задаче англичан на Кавказе – навести порядок и проконтролировать эвакуацию немецкой и турецкой армий. Военное присутствие представлялось как целесообразным для внешней политики Британской империи, так и полезным для народов занимаемых территорий. Ни Роулинсона, ни авторов предисловий, как военных практиков, не интересовали политико-диплома-

---

¹⁸ Ibid. P. 85.

¹⁹ Последний, будучи командующим английскими войсками в Месопотамии, был против проникновения в Закавказье, но на этом настоял Восточный кабинет Военного комитета. См.: Безугольный 2011.

²⁰ Rawlinson 1924. P. 21–22.

²¹ Ibid. P. 108.

тические процессы, в свете которых и происходило их пребывание на Ближнем Востоке. И Милна, и Денстервиля, и Роулинсона объединяла психология добросовестных исполнителей, выполняющих даже неудачные приказы в предлагаемых условиях, поэтому они были сосредоточены в своих оценках на военно-стратегическом направлении.

Батум Роулинсон назвал самой непривлекательной частью «Закавказской России», по инерции продолжая считать Закавказье частью рухнувшей империи. В его описании образ Батума неказист, архитектура скудная, отмечено только главное предназначение портового города – транспортировка нефти. Его поездка в Тифлис связана с невероятной роскошью личного поезда покойного императора, в котором ему предоставили место. Тифлис произвел более сильное впечатление, чем Батум, он назвал его самым интересным городом на Кавказе.

Роулинсон подчеркнул, что Грузия исторически имела собственную государственность, пока не была включена в состав Российской империи. После большевистского переворота она стремилась к независимости, но, к разочарованию англичанина, население разделяло утопические социалистические идеи, не принесшие желаемого результата. Людей он воспринимал как «смешанную толпу», с которой уже приходилось иметь дело в Месопотамии. Из всего этнического кавказского многообразия особенно привлекательными оказались грузины. Он отметил наличие многочисленной аристократии – богатой и хорошо образованной. Высокий уровень культуры грузинской аристократии и одновременно «дух, который отличает британскую армию, и который делает ее желанной во всем мире» автор подтверждает следующим случаем. Однажды Роулинсона пригласили на ужин в одну гостеприимную и благородную, но голодающую грузинскую семью. Стремясь не нанести урон чести хозяев, англичане снабдили семью продовольствием за возможность пользоваться их огромной кухней. Высоко ценя благородство происхождения, они видели в этой семье себе равных, поэтому старались действовать тактично. Эта ситуация, в которой англичане великодушны и благородны, представлена в свете специфической самоидентификации автора. Имагологическая составляющая его воспоминаний сформирована под влиянием идеи «национального характера». Формирование образа «чужого» в кавказских пределах происходило на основе воспринятого коллективного и личного жизненного опыта. Идеология британскости была имперской и колониальной. Имперский дискурс формировал не критичное отношение к догме о цивилизационном превосходстве британцев в массовом сознании²². Британцы прибывали на Кавказ, как на Восток, уже с ощущением «бремени белого человека», образ «другого-чужого» был в общих чер-

---

²² Симонов 2014. С. 138–146.

тах сконструирован до встречи с ним. При последующем контакте эти стереотипы только уточнялись и корректировались. С другой стороны, семейное воспитание, интеллектуальный и жизненный опыт отца Роулинсона, усиливали влияние социума.

Образ «другого» в кавказском контексте на страницах «Приключений» довольно размыт. Как отмечалось, этническое многообразие фиксируется, но не раскрывается, не детализируется и слабо наполняется конкретными фигурантами. Важнее сама британская миссия, которая предстает в рамках бинарной оппозиции как остров цивилизации и упорядоченности в море революции, хаоса и войны. Еще одной важной чертой образа «другого» является ситуативность: он мог формироваться и корректироваться в зависимости от положительного и/или отрицательного опыта общения, как в случае с Я. Багратуни.

Северный Кавказ в структуре Большого Кавказа в «Приключениях» занимает незначительное место. Когда Роулинсон пишет о кавказском регионе, то имеет в виду прежде всего территорию Южного Кавказа. Северный Кавказ представлен как территория по ту сторону Кавказского хребта и как часть России, к Ближнему Востоку отношения не имеющая. Отметим удивительное для разведчика незнание: отметив, что многие прошедшие здесь народы оставили своих представителей, потомки которых жили изолированно в горах, благодаря чему сохранили свои язык и культуру, Роулинсон называет таким племенем «потомков шотландских крестоносцев», которые затерялись в Кавказских горах по пути из Палестины в Европу. По слухам, доходившим до него, они жили где-то в западной части южных склонов и на тот момент сумели сохранить гэльский язык²³.

На Северном Кавказе Роулинсону и его спутникам было поручено осмотреться и составить представление о действиях Добровольческой армии. Никакой информации не поступало, и английские представители никак не могли согласовать действия с Деникиным. Как представляется Роулинсону, встреча с «деникинцами» состоялась в селении Ларс. Впечатление они произвели настолько скверное, что он охарактеризовал их как «сброд без дисциплины, живущий вымогательством и преступлениями». Он предположил, что эти люди, возможно, просто спекулируют именем А.И. Деникина, не имея к нему отношения²⁴.

Здесь разведчику пришлось контактировать с ингушами, с которыми встретились, проехав Ларс. Они сообщили, что те, кого англичане встретили в Ларсе, «разграбили и перевешали много их соплеменников». Они встретили англичан радушно, снабдили продовольствием.

---

²³ Rawlinson 1924. P. 127.

²⁴ Rawlinson 1924. P. 130.

Роулинсона впечатлил героизм ингушей, проявленный при сопротивлении нападающим, что ситуативно сформировало положительный образ в сознании автора. Пребывание на Северном Кавказе было кратковременным. Если по территории Южного Кавказа можно было передвигаться на императорском поезде, то возвращаться из разведывательной операции на севере, особенно мимо Ларса, пришлось на самой высокой скорости и без остановки²⁵. При этом, став очевидцем осетино-ингушского конфликта, Роулинсон не осознал зависимость военно-политической ориентации на большевиков или белое движение от этнического противостояния. Для английского колониального мышления эти распри были слишком локальными и незначительными.

Образ России и русских конструируется из противоречивых характеристик. С одной стороны, участвуя в разведывательной операции на Северном Кавказе, Роулинсон отмечает, что англичане «смогли оценить бесконечные ресурсы Российской империи»²⁶. Маркирующим признаком были хорошо построенные тоннели и мосты, часто встречающиеся в Закавказье. Признаком и даже символом развала империи были руины дворца наместника, по которым гуляла породистая гончая, каких разводили специально для императорской семьи. Роулинсон забрал ее с собой, и в дальнейшем она жила в его английском доме. С другой стороны, подчеркивается отсутствие порядка в современной России. По дороге на север и обратно в Тифлис они не встретили ни самих русских, ни их пограничных постов: «русские были или пьяны, или напуганы, или и то и другое...»²⁷.

В сочинении Карла Бехгофера нет широкого геополитического размаха. Если Роулинсон смотрел на Кавказ как на часть Ближнего Востока, то Бехгофер оценивал его как самостоятельную территорию, но еще имеющую связь с Россией. При сравнении текстов следует учесть разницу в целях поездок: Роулинсон в регионе пребывал по долгу службы, Бехгофера сюда привлекло профессиональное и обывательское любопытство. Он ехал как свободный путешественник лично разобраться в происходящем и обновить уже имевшиеся впечатления от прошлых поездок в Россию. Журналист имел возможность много общаться, наблюдать, размышлять, над ним не довлела необходимость решать практические задачи военно-политического характера.

Автор предисловия к труду Бехгофера Альфред Циммерн, первый профессор первой в истории кафедры международных отношений (открыта в университете г. Эйберсвит, Уэльс в 1919 г.), позиционировал Бехгофера как единственного независимого свидетеля событий в боль-

---

²⁵ Ibid. P. 131.

²⁶ Ibid. P. 128.

²⁷ Ibid. P. 131.

шевистской России и постреволюционном Закавказье. Он критически оценивал состояние общественного мнения в Англии, доминирующие в массовом сознании представления о внешней политике правительства считал идеализированными, а книгу Бехгофера характеризовал как разоблачительную по отношению к действиям Великобритании в России и Закавказье и полагал, что она необходима английской публике для формирования адекватного отношения к произошедшим событиям²⁸.

Травелог Бехгофера отличается более четкой очерченностью границ конструируемых хронотопов и их антропологической наполненностью. Первая выявляемая пространственно-временная протяженность связана с пребыванием в Батуме. Бехгофер не был лишен ориенталистских стереотипов, но создаваемый им образ города далек от мрачных зарисовок разведчика Роулинсона: «Зеленые плодородные холмы ведут вниз к бескрайнему морю, за ними расprostерты снежные вершины Кавказских гор»²⁹. Наблюдая Батум примерно в то же время, что и Роулинсон, состояние дел журналист представил иначе. России в его истории и социокультурном пространстве больше, и многое представлено в позитивном ключе: в экономике, в налаживании административного управления, в том, что, отобрав у Турции неприглядное село, Российская империя развила его до уровня порта. На месте, где среди лесов было несколько турецких и курдских лачуг³⁰, русские развели чайные и апельсиновые плантации. Во-вторых, этнокультурная пестрота не только констатируется: Бехгофер передает локальные особенности и дает более полное представление об этническом и религиозном составе населения. Он справедливо подчеркивает многообразие как сущностную черту пространства Батума, пишет об «исключительной смеси людей», ставшей свидетельством и залогом его экономического развития.

Бехгофер не был военным и государственным лицом, поэтому не был инкорпорирован в круг присутствующих на Кавказе соотечественников. Если сравнить имагологические конструкции в его сочинении и воспоминаниях Роулинсона, то именно англичане в восприятии Бехгофера являют собой образ «другого».

Как отмечает Е.С. Сенявская, понятие «они» наполняется различным содержанием в зависимости от ряда обстоятельств: историческая память, конкретно-историческая ситуация, жизненный опыт и мировоззрение отдельных людей³¹. Все эти факторы срабатывали в данной ситуации, что определило расхождение в оценках и конструируемых образах. Военный деятель наблюдал ситуацию изнутри английской

---

²⁸ Bechhofer 1971. P. XVIII.

²⁹ Ibid. P. 7.

³⁰ Ibid. P. 5.

³¹ Сенявская 2006. С. 10.

миссии на Кавказе, он был включен в нее, журналист находился на другой наблюдательной площадке и видел все происходящее извне. Поэтому представление, навязываемое читателю Роулинсоном, об упорядочивающем начале британской военной миссии уравнивается состоянием дел, которое представил журналист Бехгофер.

Британские офицеры в его оценке были профессиональны как военные и негодны как управленцы. Очевидно, что административную работу наладить они не смогли и среди населения были непопулярны. Журналист называл в качестве главных недоработок, которые наносили непоправимый вред делу миссии, незнание языка и игнорирование особенностей местной жизни. Английская культура, как и у Роулинсона, несет в себе упорядочивающее и цивилизаторское начало, только Бехгофер приводит примеры, когда на практике ее представители не справляются с основными функциями. Для поддержания порядка и налаживания элементарной коммуникации с населением приходилось прибегать к помощи переводчиков, которых находили среди местных – евреев, бывших русских офицеров и т.д. Сами офицеры не владели ни русским, ни одним из кавказских языков, профессиональных переводчиков в штате не имели, поэтому действовали дилетантски и скорее мешали, чем помогали организации мирной жизни³². Даже при высокой значимости порта, в Батуме управление осуществлялось неэффективно, именно по причине некомпетентности английских кадров.

Логичным представляется утверждение автора, что для разрешения трудностей такого порядка необходима активная помощь из Лондона. Таковой не поступало, и то, о чем Роулинсон прямо не писал и не выражал открыто своего отношения, т.е. необходимость проявлять инициативу и принимать решения самостоятельно, у Бехгофера представлено многочисленными эпизодами неорганизованности действий англичан. Офицеры для поддержания порядка запускали привычные колониальные механизмы. Так, немного снизить преступность удалось только после нескольких публичных казней³³. Необходимость демонстрации силы присутствует в «Приключениях» Роулинсона и является нормой. Для Бехгофера агрессия – скорее признак административной и организационной беспомощности английских представителей.

Следующим пунктом пребывания Бехгофера стал Тифлис, где ему удалось встретиться и пообщаться с представителями грузинского правительства. Общение получилось информативным и журналисту удалось составить представление о состоянии дел Грузинской Республики.

---

³² В качестве примера Бехгофер приводил судебное заседание, на котором обвиняемый не смог доказать своё алиби суду из-за неквалифицированной работы переводчика. – Bechhofer 1971. P. 15.

³³ Ibid. P. 35.

Министр иностранных дел Е.П. Гегечкори³⁴ откровенно подтвердил, что в одиночку добиться независимости они не в состоянии, и нужна поддержка Англии. В этом контексте Бехгофер скептически отзываясь об исторических правах и перспективах на независимость, полагая, что Грузия не тянет на роль независимого союзника. Прекрасно зная русский язык, он смог уловить особенность сознания большинства представителей кавказской политической элиты. Гегечкори и многих других он справедливо характеризовал как людей возвращенных Российской империей и получивших образование в российских университетах.

В travels Бехгофера организация работы англичан предстает с совершенно другой стороны, так как уточняются детали, на которые Роулинсон, по определению, внимания обратить не мог. Например, Бехгофер пишет о специфической ситуации с формированием британской администрации в Грузии. Дело в том, что министр иностранных дел Дж. Керзон назначил первым уполномоченным Великобритании в Закавказье с центром в Тифлисе Оливера Уордропа – человека, который с юности был знаком с Грузией и сделал много для популяризации её культуры в Великобритании. Вполне естественно, что правительство сочло именно его кандидатуру наиболее приемлемой. Настрой Уордропа другие народы считали прогрузинским, поэтому данное назначение вызывало возмущение, в частности с негативной реакцией пришлось столкнуться в Армении и Батуме (среди негрузинского населения). Однако Бехгофер отмечал, что Уордроп не позволял себе ангажированности, чем разочаровал грузинское правительство.

Косвенно о слабой осведомленности английской администрации о местной жизни свидетельствуют некоторые повседневные зарисовки. Автор отмечает, что на бытовом уровне в Тифлисе к англичанам относились с недоверием: например, по прибытии в город в конце ноября 1919 г. Бехгофер обратил внимание, что багаж англичан осматривается внимательнее, чем у других граждан³⁵.

В Армении английскую администрацию представлял ирландец по происхождению капитан Джордж Грейси, хорошо знакомый с местной жизнью и знавший турецкий и армянский языки, но условий для полноценного несения службы у него не было: британское правительство не обеспечило штат сотрудников, не предоставило автомобиля, хотя та же должность в Баку предполагала наличие помощников и служебного транспорта. Как и в Грузии, Бехгофер общался с представителями власти республики. Министр иностранных дел Армении А.И. Хатисов сообщил ему, что, невзирая на полученные сведения о нуждах Республики Армения, Англия помощи не оказала. Такую тенденцию в англий-

---

³⁴ Ibid. P. 49.

³⁵ Ibid. P. 47.

ской политике журналист называл антиармянской, отмечал, что Грейси действовал в противовес этой политике, благодаря чему сохранял дружественное отношение населения к союзникам³⁶. Бехгофер с осуждением писал об обещаниях британского правительства в отношении Армении, приводил высказывания министра иностранных дел Бальфура о необходимости защиты армян от турецкой угрозы, как части ближневосточной политики. Ситуация на месте резко диссонировала с громкими официальными заявлениями. Критически автор оценивал высказывания Ллойд Джорджа о том, что армяне могут сами защитить себя и собрать армию в 40 тыс. чел.³⁷ Журналист рассматривал такую позицию как игнорирование реального положения дел во внешней политике.

Бехгофер также обратил внимание на особенность организации британской администрации в Баку и специфику решаемых ею проблем. Представителем Великобритании в Баку был генерал Джон Уолтон, брат британского вице-консула в Ростове-на-Дону. В своей деятельности он отдавал приоритет урегулированию проблем с добычей и транспортировкой нефти. Когда Бехгофер прибыл в Азербайджан, стала очевидна близость победы большевиков: Добровольческая армия сдала Петровск и Дербент и панически отступала. Передавая политические настроения, журналист констатирует, что в Баку было много сторонников России, а аппарат правительства Азербайджана вел работу на русском языке³⁸. Англичане не решали проблем азербайджано-армянского напряжения, и оно только усиливалось, чего боялась азербайджанская администрация, которая не хотела давать повода для присоединения армян к большевикам. В целом, о прорусских настроениях вслух говорить опасались, так как подобная позиция расценивалась как поддержка большевизма. Скорый уход англичан и падение Баку были столь очевидны, что Бехгофер поспешил покинуть город³⁹.

Общим в текстах Роулинсона и Бехгофера стало слабое освещение обстановки на Северном Кавказе. Оба фиксируют политический распад Большого Кавказа, который до падения монархии существовал в едином наместничестве. Если Южный Кавказ описан как относительно единое геополитическое пространство, то Северный Кавказ оказывается от него оторванным. Бехгофер относил его скорее к «Деникинской России», но связь между двумя частями макрорегиона у него более выражена. Так, в связи с процессами, протекавшими на Южном Кавказе, центром политических событий в Дагестане он называл Горскую Республику, скептически именуя это государственное образование «ма-

---

³⁶ Ibid. P. 245.

³⁷ Ibid. P. 284.

³⁸ Ibid. P. 32.

³⁹ Ibid. P. 316.

леньким гнездом интриги». К ее существованию имели отношение и закавказские представители, и турецкие политики. Северный Кавказ характеризовался большим, чем Закавказье, этническим многообразием и особенностями вхождения в состав Российской империи. Здесь попытки держав, в т.ч. Великобритании, создать буферное государство не увенчались успехом. По выражению Бехгофера, «слишком много поваров испортили бульон» – из Горской Республики не получилось ни буферного государства, ни плацдарма для панисламистов⁴⁰.

А. Роулинсон и К. Бехгофер – носители представлений двух социальных групп – военно-политических деятелей и интеллигенции, что определило различие в их описаниях. Позиция в отношении пережитого у Роулинсона двоякая: выполнение служебного долга и участие в опасном приключении. Он не погружается в политический контекст событий, сосредоточившись на конкретных военных действиях и на исполнении обязанностей разведчика, о чем во вступлении предупреждает читателя. Это сказалось и на оценках политических событий на Большом Кавказе. Бехгофер написал воспоминания, в которых дает политические оценки действиям европейских держав на Кавказе и английских представителей в регионе, подчеркивает их ответственность за события на Кавказе. Изначально он хотел разобраться и увидеть реальную картину событий. Возможно, именно поэтому его книга получилась откровенной и более драматичной, чем описание Роулинсона. Изучение и сравнение воспоминаний двух англичан позволило детализировать и уточнить знания о действиях британской администрации на Кавказе. Очевидно, что Бехгофер более критично относился к внешней политике государства, нежели Роулинсон. Сказалась и независимость суждения интеллектуала, и отсутствие государственного заказа.

При этом оба представителя Великобритании фиксируют политическое разобщение внутри Большого Кавказа, ставшее следствием падения российской монархии, в пределах которой существовал такой консолидирующий институт как Кавказское наместничество.

БИБЛИОГРАФИЯ

- Амбарцумян К.Р. Английское военное присутствие в пределах Большого Кавказа в 1918–1920 гг. и его итоги // История: факты и символы. 2017. №3. С. 168–176.
- Асоян Т.М. Территориальные проблемы Республики Армении и британская политика: 1918–1920 гг. : дисс. ... канд. ист. наук. М.: МГИС, 2005. 289 с.
- Архипова Е.В. Британский след на Южном Кавказе (1918–1919 годы) // Новая и новейшая история. 2016. № 3. С. 216–223.
- Безугольный А.Ю. Генерал Бичерахов и его Кавказская армия. Неизвестные страницы истории Гражданской войны и интервенции на Кавказе. М.: Литрес, 2011. 390 с.
- Большой Кавказ двадцать лет спустя: ресурсы и стратегии политики идентичности / под ред. Г. Гусейнова. М.: НЛЮ, 2014. 336 с.
- Брендон П. Упадок и разрушение Британской империи 1781–1997. М.: АСТ, 2010. 957 с.

⁴⁰ Ibid. P. 306.

- Волков Ф.Д. Крах английской политики интервенции и дипломатической изоляции Советского государства. 1917–1924 гг. М.: Госполитиздат, 1954. 400 с.
- Гаджиев И.Б. Совместная борьба бакинского пролетариата и трудящихся Дагестана против английских интервентов в деникинской контрреволюции в 1919–1920 гг. Махачкала: [б.и.], 1960. 54 с.
- Гурко-Кряжин В.А. Английская интервенция 1918–1919 гг. в Закаспии и Закавказье // Историк-марксист. 1926. № 2. С. 115–139.
- Дарабади П. Геополитическое соперничество на Кавказе в начале XX века (геоисторический очерк) // Кавказ и глобализация. 2006. № 1. С. 195–208.
- Доного Х.М. Британская Политика На Ближнем Востоке: Английская Миссия в Дагестане. 1918–1919 // *Avrasya İncelemeleri Dergisi (AVİD)*. 2012. № 1/2. С. 161–192.
- Лавров С.В. Политика Англии на Кавказе и в Средней Азии в 1917–1921 гг. // Вопросы истории. 1979. № 5. С. 78–92.
- Лучинский Ю.В. Карл Бехгофер в России: реконструкция творческой биографии // Британцы и народы Юга России: проблемы взаимовлияния: сборник научных статей / отв. ред. А.Н. Еремеева; редкол. И.И. Горлова, Т.В. Коваленко, А.В. Крюков и др. Краснодар: Экоинвест, 2015. С. 101–111.
- Махмуриян Г.Г. Политика Великобритании в Армении и Закавказье в 1918–1920 гг. Ереван: Лусакн, 2002. 309 с.
- Морозова О.М. Британское присутствие на Кавказе в 1918–1919 гг. // Британцы и народы Юга России: проблемы взаимовлияния: сборник научных статей / отв. ред. А. Н. Еремеева; редкол. И. И. Горлова, Т. В. Коваленко, А. В. Крюков и др. Краснодар: Экоинвест, 2015. С. 111–121.
- Никитина Н.А., Тулякова Н.А. Жанр травелога: когнитивная модель // *Homo Loquens: Актуальные вопросы лингвистики и методики преподавания иностранных языков (2013)* / под ред.: И. Щемелева. Вып. 5. СПб.: Астерион, 2013. С. 191–200.
- Раевский А. Английская интервенция и мусаватское правительство. Из истории интервенции и контрреволюции в Закавказье. Баку, 1927. 192 с.
- Сенявская Е.С. Противники России в войнах XX века: Эволюция «образа врага» в сознании армии и общества. М.: РОССПЭН, 2006. 288 с.
- Симонов А.В. Империя и колониализм в полемике британских интеллектуалов во второй половине XIX – начале XX века // *Интеллигенция и мир*. 2014. № 2. С. 138–146.
- Эннио Ди Нольфо. История международных отношений: методологические проблемы // *Уральский вестник международных исследований*. 2003. Вып. 1. С. 9–34.

REFERENCES

- Ambartsumyan K.R. Anglijskoe voennoe prisutstvie v predelah Bol'shogo Kavkaza v 1918–1920 gg. i ego itogi // *Istoriya: fakty i simvol*. 2017. No.3. P.168–176.
- Asoyan T.M. Territorial'nye problemy Respubliki Armenii i britanskaya politika: 1918–1920 gg. : diss. ... kand. ist. nauk. Moscow, MGIS Press, 2005. 289 p.
- Arkipova E.V. Britanskii sled na Yuzhnom Kavkaze (1918–1919 gody) // *Novaya i noveishaya istoriya*. 2016. No. 3. P. 216–223.]
- Bezgol'nyi A.Yu. General Bicherakhov i ego Kavkazskaya armiya. Neizvestnye stranitsy istorii Grazhdanskoi voiny i interventsii na Kavkaze. 1917–1919. Mosvow, Litres Publ., 2011. 390 p.
- Bol'shoi Kavkaz dvadtsat' let spustya: resursy i strategii politiki identichnosti / ed by G. Guseinov. Moscow, NLO, 2014. 336 p.
- Brendon P. Upadok i razrushenie Britanskoi imperii 1781-1997. Moscow: AST, 2010. 957 p.
- Volkov F.D. Krakh angliiskoi politiki interventsii i diplomaticheskoi izolyatsii Sovetskogo gosudarstva. 1917–1924 gg. Moscow, Gospolitizdat Publ., 1954. 400 p.
- Gadzhiev I.B. Sovmestnaya bor'ba bakinskogo proletariata i trudyashchikhsya Dagestana protiv angliiskikh interventov v denikinskoi kontrevolyutsii v 1919–1920 gg. Makhachkala: [S.n.], 1960. 54 p.
- Gurko-Kryazhin V.A. Angliiskaya interventsiya 1918–1919 gg. v Zakaspii i Zakavkaz'e // *Istorik-marksist*. 1926. No. 2. P. 115–139.

- Darabadi P. Geopoliticheskoe sopernichestvo na Kavkaze v nachale XX veka (geoistoricheskii ocherk) // Kavkaz i globalizatsiya. 2006. No. 1. P. 195–208.
- Donogo Kh.M. Britanskaya Politika Na Blizhnem Vostoke: Angliiskaya Missiya v Dagestane. 1918–1919 // Avrasya İncelemeleri Dergisi (AVİD). 2012. No. 1/2. P.161 – 192.
- Lavrov S.V. Politika Anglii na Kavkaze i v Srednei Azii v 1917–1921 gg. // Voprosy istorii. 1979. No. 5. P. 78–92.
- Luchinskii Yu.V. Karl Bekhgofer v Rossii: rekonstruktsiya tvorcheskoi biografii // Britantsy i narody Yuga Rossii: problemy vzaimovliyaniya: sbornik nauchnykh statei / ed. A.N. Ere-meeva, I.I. Gorlova, T.V. Kovalenko, A.V. Kryukov. Krasnodar: Ekoinvest Publ., 2015. P. 101–111.
- Makhmuryan G.G. Politika Velikobritanii v Armenii i Zakavkaz'e v 1918–1920 gg. Erevan: Lusakn Publ., 2002. 309 p.
- Morozova O.M. Britanskoe prisutstvie na Kavkaze v 1918–1919 gg. // Britantsy i narody Yuga Rossii: problemy vzaimovliyaniya: sbornik nauchnykh statei / ed by A.N. Ere-meeva, I.I. Gorlova, T.V. Kovalenko, A.V. Kryukov i dr. Krasnodar: Ekoinvest Publ., 2015. P. 111–121.
- Nikitina N.A., Tulyakova N.A. Zhanr traveloga: kognitivnaya model' // Homo Loquens: Aktual'nye voprosy lingvistiki i metodiki prepodavaniya inostrannykh yazykov (2013) / ed by I. Shchemeleva. Issue 5. St. Petersburg, Asterion Publ., 2013. P. 191–200.
- Raevskij A. Angliiskaya intervenciya i musavatskoe pravitel'stvo. Iz istorii intervencii i kontrevolyucii v Zakavkaz'e. Baku, 1927. 192 p.
- Senjavskaia E.S. Protivniki Rossii v voynah XX veka: Jevoljucija «obrazu vraga» v soznanii armii i obshhestva. Moscow, ROSSPJeN Publ., 2006. 288 p.
- Simonov A.V. Imperiya i kolonializm v polemike britanskikh intellektualov vo vtoroi polovine XIX – nachale XX veka // Intelligentsiya i mir. 2014. No. 2. P. 138–146.
- Ennio Di Nol'fo. Istoriya mezhdunarodnykh otnoshenii: metodologicheskie problemy / Ennio Di Nol'fo // Ural'skii vestnik mezhdunarodnykh issledovaniĭ. 2003. Issue. 1. P. 9–34.
- Bechhofer Roberts C.E. In Denikin's Russia and the Caucasus, 1919–1920. N.Y.: Arno-Press, 1971. 324 p.
- Rawlinson A. Adventures in the Near East, 1918–1922. N.Y.: Dodd, Mead and Co., 1924. 353 p.

Амбарцумян Каринэ Размиковна, кандидат исторических наук, доцент кафедры зарубежной истории, политологии и международных отношений, Северо-Кавказский федеральный университет; karina-best21@mail.ru

British policy in the Greater Caucasus in 1918–1920 in the memoirs of A. Rowlinson and K. Bechhofer

In the article, the author tries to investigate events in connection with their interpretation by participants and witnesses. For the comparative analysis, the memoirs of two historical figures are chosen: the English journalist K. Bechhofer and the military leader A. Rowlinson. The first of them was the witness, the second – a participant in the military mission of England in the Caucasus at about the same time (1918–1920). This period was the time after the disengagement of the Caucasus region from Russia and before full inclusion in the Soviet state. Their social experience, views, persuasions and professional affiliation determined the polarity of assessments regarding the effectiveness of British policy in the region. Comparative research has allowed finding common features of perception, generated by elements of Orientalist and imperial consciousness, and specific features in the understanding of the British administration work in the region.

Keywords: Great Caucasus, A. Rowlinson, K. Bechhofer, foreign affairs, intellectual history, travelogue, ego documents

Karine Ambartsumyan, PhD in History, Associate Professor, North Caucasus Federal University; karina-best21@mail.ru